

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 70–80-х ГОДАХ XIX в.

Положение рабочих в 70–80-х гг. «Переход от мануфактуры к фабрике, – писал В. И. Ленин, – знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идёт самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом».¹

Положение иваново-вознесенского пролетариата в первые десятилетия господства крупной машинной индустрии было крайне тяжело. Эти годы были временем жесточайшей и безграничной эксплуатации пролетариата, так как никаких законов, ограничивающих эксплуатацию рабочих, ещё не существовало.

Остатки крепостничества усиливали гнёт капитала над трудом и задерживали капитал «в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплуатации труда, но прибавляющих к этой эксплуатации страшные трудности борьбы за освобождение».²

Промышленные кризисы 70–80-х гг., сопровождавшиеся закрытием предприятий и увольнением рабочих, ещё более ухудшали и без того невыносимое положение иваново-вознесенского пролетариата.³

Рабочий день в 70-х гг. на фабриках Иваново-Вознесенска произвольно устанавливался фабрикантами в 14–15 часов. По правилам, действовавшим на фабрике Н. Гарелина, рабочий обязан был работать 14 часов в сутки: в летнее время от 4 часов утра до 8 часов вечера с перерывом в два часа на обед, в зимнее время от 5 часов утра до 8 часов вечера с часовым перерывом на обед. На некоторых фабриках работа начиналась с 3½ часов утра и кончалась в 8 часов вечера с перерывом на один–полтора часа.

В 80-х гг. рабочий день прядильщиков и ткачей продолжался 12 часов, а ситцепечатников 13½ и даже 14 часов.

Сверхурочные работы удлиняли в некоторых случаях рабочий день до 18–20 часов.

По вычислениям одного из современников, в 70-х гг. иваново-вознесенские рабочие, жившие при фабрике, спали в сутки пять часов, а те, которые жили на особых квартирах, – четыре с половиной часа, и, наконец, уходившие в деревню пользовались только четырёхчасовым сном.

Реальная заработная плата снижалась. Ткачи на механических станках, составлявшие теперь основную массу рабочих, зарабатывали в 1858 г., когда ткачество только ещё начинало механизироваться, в месяц от 10 до 16 руб.,

в 1882–1883 г. зарабатывали от 12 до 18 руб., т. е. заработок их увеличился номинально на 15%, в то время как цена на ржаную муку увеличилась на 102%. Но и эта плата уменьшалась крайне развитой системой штрафов. Имеются данные о таких фактах, когда из месячного заработка в 15 руб. удерживалось 10 руб., или весь месячный заработок, и больше того – при заработке в 16 руб. вычиталось 20 руб. Даже капитан корпуса жандармов Тимофеев в 1871 г. должен был сделать такое признание о положении иваново-вознесенских рабочих: «Нельзя не сказать, что вообще ивановские рабочие в высшей степени подавлены гнётом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплуатирующих. Низкая заработная плата, при чрезвычайной дороговизне в селе Иваново продовольственных припасов, ещё более уменьшается разного рода вычетами и штрафами, которые взыскиваются фабрикантами».⁴

Кроме штрафов применялись и другие приёмы обворовывания рабочих при выдаче заработной платы. В 1875 г. министр внутренних дел сообщал владимирскому губернатору о «натянутых будто бы отношениях рабочих Владимирской губернии к своим фабрикантам» и, указывая на различные приёмы обсчитывания рабочих, писал: «Иногда рабочим платят сериями, присчитывая проценты за месяц и за два вперёд, рабочие же продают серии по 49 руб. 50 коп. Такими злоупотреблениями отличаются в Иваново-Вознесенске фабриканты Александр Зубков, Гарелины, Борисов и др.»⁵

Для жилья рабочих на некоторых фабриках имелись «спальни», о которых можно судить по таким данным: в спальнях при фабрике Полушина воздуха на каждого человека приходилось от $1\frac{2}{9}$ куб. сажени до $\frac{84}{85}$ куб. сажени, т. е. вдвое-втрое меньше нормы; на других – от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{10}$ куб. сажени, т. е. в 10–30 раз меньше нормы. Тюфяки и подушки, набитые сеном, являлись роскошью, их в большинстве спален не существовало. Обыкновенное устройство спален было таково: кругом комнаты стояли нары, где валялась всякая рухлядь, служившая постелью и одеялом. О чистоте не приходилось и говорить.

Рабочие квартиры были не лучше спален. Занимались квартиры артелей от 8 до 15 человек и обставлялись все на один образец: комната, с устроенными по стенам нарами, стол, несколько скамеек – и больше ничего. Всё имущество рабочих хранилось в «укладке», т. е. сундуке. Грязь и беспорядок были отличительными особенностями квартир. Воздух, пропитанный всевозможными испарениями, никогда не очищался. Грязь в квартирах являлась источником всевозможных болезней среди рабочих. На некоторых фабриках рабочие, приходящие из деревень, ночевали там, где работали днём.

На фабриках Иваново-Вознесенска широко эксплуатировался труд женщин и детей. Эта эксплуатация шла исстари: в набойных и светёлках XVII, XVIII и первой половины XIX вв. женщины и девочки ткачихи и мальчишки-штрифовальщики – обычное явление. Теперь они перешли работать в фабричные корпуса. На фабрике Н. Гарелина в 80-х гг. из 1606 человек рабочих 597 человек, т. е. больше трети, были дети и неокрепшая молодёжь и 40%

женщин. Труд детей до 1885 г. не имел никаких законодательных ограничений и оплачивался гораздо ниже. Заболеваемость детей на фабрике Н. Гарелина доходила до 650%.

В статьях «Наши фабрики и заводы», напечатанных в «Русских ведомостях» за 1872 г., Ф. Д. Нефёдов дал ряд картин фабричной работы, отражающих жестокою эксплуатацию на иваново-вознесенских фабриках. Вот описание бумагопрядильной Н. Гарелина:

«Мы – внутри помещения... и начинаем всматриваться в окружающие предметы... Люди (в чёсальной) с головы до ног покрыты таким толстым слоем пыли, что нет возможности отличить их лица от платья. Большинство рабочих – женщины и девушки; мужчин не более шести-семи человек. Видим ещё детей, мальчиков и девочек, которые подметают около машин и, частью ползая, вытирают рваной пряжею грязь с шестерён, колёс и т. п. Все, как взрослые, так и дети, работают стоя в продолжение двенадцати часов в сутки сменные и четырнадцати – дневные и ни на минуту не присядут под опасением штрафа; работают они без обуви, разувшись, и голыми ногами ходят по каменному полу, а мужчины даже без нижнего белья; душно, воздух пропитан запахом масла, кругом пыль и температура 18° по Реомюру.

Поднимаемся на третий этаж... В особом отделении стоят мюльные самодействующие машины (прядильные). И здесь преобладающий элемент рабочей силы – женщины и девушки, и только на одних мюлях прядильщики – мужчины. Опять та же пыль и тот же воздух»... «А бывают когда несчастные случаи? – Как не бывать... особенно в трёпальной, – там часто рвет руки, а то когда и всего человека этак порешит: чуть мало не углядел, оплошку сделал, захватило пряжкой рубаху, аль портку и притянуло ремнём к самому потолку – взглянешь, ан человек уже там без головы, либо одни только куски от него остались...» Не лучше впечатления от ситцевой фабрики Я. П. Гарелина. «Мы – в отбельной... Воздух тут постоянно влажный, с запахом пота и извести. Везде сырость, и ноги рабочих не выходят из воды: она бьёт сверху, прыщет с разных сторон и обильными потоками разливается по деревянному полу.

Как мужчины, так и женщины, взрослые и малолетние, работают стоя и босиком, а некоторые в видах экономии даже без рубашек, кроме женщин.

Из отбельной сырой миткаль поступает для просушки на так называемые сушильные барабаны... Температура в помещении сушильных барабанов стоит выше 40° по Реомюру. Нам с непривычки положительно нет возможности пять минут пробыть в такой духоте, а между тем за этим усовершенствованным европейским аппаратом, просушивающим в день тысячи кусков, с утра до вечера ежедневно проводят время такие же люди, да ещё кто? – мальчики. Сидят они совершенно безо всего, в чём только мать родила, за этими чудовищными «барабанами» и расправляют своими детскими ручонками складки миткаля. Их преждевременно впалые щёки лишены всякого признака румянца, свойственного юному возрасту, глаза без выражения,

потухшие, с бледно-матового лба ни на секунду не сходит пот. Вблизи этих почти младенцев-работников находится ушат с водой, и они беспрестанно пьют целыми ковшами, стараясь утолить хоть на одну минуту вечно томящую их жажду...

Спускаясь в нижний этаж, мы присутствуем при печатании ситца... До какой степени разрушительно действие газов, выделяемых красками, на зрение, можно судить по воспалённому состоянию глаз, замечаемому нами у подраклистов, из которых только один из десяти может, и то с великим трудом, протянуть до сорокалетнего возраста; обыкновенно, скоро начинающаяся болезнь и затем опасение за совершенную потерю зрения заставляет их гораздо раньше оставить печатную машину и навсегда проститься с профессией подраклиста.

Из печатной только что вышедший и потому сырой ситец идёт тёмным коридором, с температурой в 40–45° по Реомюру, в зрельну и потом на вешала; в этой страшной атмосфере, захватывающей дух и разъедающей глаза, выступают не совсем ясные очертания человеческих фигур: то мальчики, принимающие ситец и смотрящие за его просушкой... Я раз спросил одного фабриканта, что за люди впоследствии выходят из всех этих мальчуганов, работающих при сушильных барабанах, в зрельных и на вешалах. Он, немного подумав, дал мне такой ответ: «Бог знает, куда они у нас деваются, мы уж как-то их не видим после. – Как не видите? – Да так, высыхают они». Я принял это выражение за чистую метафору. – «Вы хотите сказать, что впоследствии они переменят род своих занятий или переходят на другую фабрику? – опять спрашиваю я. – «Нет, – просто высыхают, совсем высыхают», – ответил серьёзно фабрикант».⁶

Внутренней обстановке фабрик соответствовало и состояние фабричных дворов. «Отсутствие всяких признаков заботливости о чистоте превосходит всякую меру описания, и вид дворов напоминает зрителю те страшные колодцы, которые описывает в своих фантастических рассказах Эдгар По и о существовании которых впервые и с ужасом узнали из восточных сказок в летах нашего детства. Фабричные дворы в большинстве случаев тесны и ничем не вымощены; не только осенью, но даже летом они редко когда пересыхают, чуть ненастная погода – обращаются в топкие болота, и рабочий вязнет в грязи буквально по колено. Всюду встречающиеся мусорные кучи, бугры и настоящие торы свидетельствуют о том, что под ними когда-то были ямы, назначенные для спуска негодных красильных веществ и различных нечистот»...⁷

Безотрадное положение рабочих на фабриках ещё более ухудшалось антикультурной обстановкой тогдашнего Иваново-Вознесенска. К 1890 г. из всех фабрик города лишь при одной имелась школа на 50 человек. В то же время, как говорит современник, «если бы пришлось составить диаграмму для обозначения местностей в городе, изобилующих питейными домами, то мы увидели бы, что наибольшее количество питейных домов расположено

на тех улицах, по которым замечается самое сильное движение рабочих при их путешествиях на фабрики и обратно. Так, на одной из окраинных улиц, лежащей на дороге к фабрикам, расположенным на Дмитровке, на расстоянии менее 500 саж. насчитывается семь питейных заведений и все торгуют «бойко».⁸

Стачки 70-х гг. На невыносимую эксплуатацию капиталистов рабочие ответили стачечным движением, неуклонно нараставшим из года в год. С 70-х гг. XIX в. рабочее движение в Иваново-Вознесенске развивалось непрерывно. Иваново-вознесенский пролетариат представлял внушительную силу – рабочих было более 10 тысяч человек.

За 70-е гг. известно пять стачек иваново-вознесенских рабочих с количеством участников 1078 человек.

В 1871 г. происходила стачка на бумагопрядильной фабрике братьев С. М. и Ф. Гарелиных. В стачке участвовало 32 человека, одни подростки и малолетние, положение которых было совершенно беспросветным. Забастовавшие потребовали увеличения заработной платы, но, не поддержанные взрослыми рабочими, удовлетворения своих требований не добились. Днося об этой стачке владимирскому губернатору, шуйский исправник писал, что «подростки действовали по наущению старших, в виде пробы: что будет, как пойдёт дело». Одновременно исправник в донесении признавал «весьма грустное положение малолетних на фабрике», находящихся без всякого присмотра, подверженных беспощадной эксплуатации со стороны фабричной администрации, получающих такую низкую заработную плату, которой едва хватало на одни харчи.

После стачки за рабочими фабрики был установлен секретный надзор полиции.

В 1876 г. из-за невыдачи в срок заработной платы бастовали 200 рабочих механического чугунолитейного завода Д. Л. Шипова. В 1878 г. произошла стачка на том же заводе из-за высоких штрафов. В том и другом случаях требования рабочих были удовлетворены.

В 1879 г. происходила крупная стачка на миткалево-ткацкой фабрике А. Зубкова, перешедшей в апреле к новым владельцам. Рабочие требовали повышения с апреля заработной платы, бывшей на этой фабрике ниже, чем на других. 7 июня качалась стачка. Рабочих на фабрике было более 700 человек. Администрация соглашалась на прибавку сначала на 8%, потом на 10%, но только по 1 октября 1879 г., когда начинался новый срок найма. Во время стачки бывший владелец фабрики А. Зубков в нетрезвом виде вступил в разговор с рабочими и заявил: «Если мы вам и сделаем прибавку до покрова, то зимой на вас наездимся». Рабочие понимали, что в октябре, когда будет наплыв рабочих из деревень, нельзя рассчитывать на успешную борьбу с фабрикантом, и настаивали на установлении прибавки и на зимний период. На фабрику приехал помощник начальника владимирского губернского жандармского управления и посоветовал фабрикантам выдать рабочим расчёт,

на что фабриканты охотно согласились. 9 июня всех рабочих рассчитали, а 11 июня начался новый набор. Из работавших до стачки 720 рабочих вновь нанялось 540 человек, остальные ушли на другие фабрики.

К ответственности за участие в стачке власти привлекли восемь рабочих и отдали под суд, за что губернатор получил от департамента полиции замечание, так как по циркуляру министра внутренних дел от 6 июня 1870 г. «зачинщиков стачки» должно высылать в административном порядке, «не допуская дело до судебного разбирательства».

Эта стачка имела серьёзное значение для всех рабочих Иваново-Вознесенска. По сообщению начальника владимирского губернского жандармского управления губернатору, – «ввиду возможности подобных беспорядков и на других фабриках, почти все фабриканты прибавили рабочим по 10 коп. на рубль по 1 октября 1879 г.».

15 июня 1879 г. началась стачка на бумагопрядильной фабрике бр. С. М. и Ф. Гарелиных. Рабочие на банкаброшах (109 человек) потребовали увеличения заработной платы. Так как с прекращением работ на банкаброшах должна была остановиться вся фабрика, администрация обещала пересмотреть и повысить расценки. Рабочие согласились подождать и 16 июня прекратили стачку. За «подстрекательство» к этой стачке под суд была отдана работница-крестьянка Елизавета Евграфова.⁹

Начавшееся стачечное движение подготовляло ивановский пролетариат к более широким выступлениям.

Промышленный кризис и стачки 80-х гг. Промышленный кризис 80-х гг. тяжело отразился на положении иваново-вознесенских рабочих, и без того страдавших от хищнической эксплуатации. Начались увольнения, снижение зарплаты, усиление штрафов и т. п. Уже в 1880 г. в Иваново-Вознесенске было рассчитано не менее 3% рабочих. Это привело к возвращению части рабочих к земледелию.

На нажим со стороны фабрикантов иваново-вознесенские рабочие ответили подъёмом стачечного движения, которое в 80-х гг. перешло на более высокую ступень – от разрозненных стачек отдельных фабрик к массовым выступлениям рабочих нескольких фабрик, т. е. сделан был шаг к всеобщей стачке.

В 1881 г. происходила стачка на фабрике Зубкова, в результате которой 348 рабочих подверглись семидневному аресту.¹⁰

В 1882 г., борясь с понижением расценок и возрастающими штрафами, бастовали рабочие фабрики Дербенёва; в 1884 г. происходила стачка на фабрике Гарелиных.

В сентябре 1885 г. произошло первое массовое выступление 6000 рабочих пяти фабрик. Забастовка возникла под воздействием известной стачки на фабрике Морозова в с. Никольском Владимирской губернии. Рабочие требовали повышения расценок, так как введение девятичасовой смены, ввиду издания закона 1885 г. о запрещении ночной работы женщинам, означало

при сдельной оплате падение заработка на 25%. Стачка проходила бурно, сопровождаясь разгромом рабочими торговых полков с бакалейными товарами; из Владимира были вызваны войска.

В полицейских донесениях о ходе стачки сообщалось: 24 сентября «ткачи фабрики Ивана Гарелина... отказались работать, фабрика остановилась...». «Три фабрики – Дербенёва, Кокушкина и ткацкой мануфактуры – остановились, ткачи сделали забастовку, всех рабочих 3000 человек, неудовольствия те же». 25 сентября «ткачи Зубковской фабрики тоже бросили работу, присоединились к недовольным, все требуют прибавку цен на зиму; всех рабочих находится более 4000 человек, хозяева прибавлять цен не желают; недовольные массами приступают к действующим фабрикам, требуют с угрозами, чтобы рабочие прекратили работу; две из них закрылись... движение рабочих сильное, остановить нет возможности». Вечером 25 сентября сообщалось: «...рабочие ткацких фабрик разграбили полк с бакалейным товаром, движение усиливается».¹¹

С 18 апреля 1889 г. в Иваново-Вознесенске началась ещё более внушительная стачка рабочих на фабриках Дербенёва, Зубкова, товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, Маракушева и Кокушкина. В стачке участвовало до 10 000 человек. Вызвана была стачка сокращением одной смены, вследствие чего количество рабочих на этих фабриках сокращалось на 1722 человека. Рабочие требовали сохранения двух смен. Настроение их было очень возбуждённым. В город были вызваны казаки.

Губернатор опубликовал объявление, подтверждавшее сокращение смены, с такими угрозами: «Всякие дальнейшие домогательства остальных ткачей (т. е. уволенных) стать на работы против желания фабрикантов будут приняты за своеволие, наказуемое законом. Сбор народа в толпу на улицах, площадях и у фабричных зданий воспрещается. Ослушники будут разогнаны силой. Воспрещается препятствовать работам на фабриках. Виновные будут арестуемы и привлекаемы к ответственности. Все не поступившие на работы должны разойтись по местам своего жительства».

Угрозы не подействовали на рабочих, и движение продолжалось. Разбиты были кирпичами стёкла на фабрике Дербенёва и в доме самого фабриканта; камнями бросали в казаков.

Полицеймейстер в донесении о ходе событий писал: «20 числа в 8 час. утра свободные от работы ткачи собрались к фабрике Дербенёва, в которой работала одна смена ткачей; из толпы бросили несколько кирпичей в окна фабрики и разбили несколько стёкол, а ткачи, работающие внутри фабрики, из сочувствия к требующим, челноками также били стёкла; снаружи полицейские служители совместно с жандармами удержали от насилия рабочих, а Дербенёвы, проработав до обеда, прекратили работу».

Вечером того же дня масса рабочих стояла около фабрики Дербенёва. Сюда явились фабричный инспектор, полицеймейстер и казаки. Рабочие повторили требование об оставлении двух смен, на что им было сообщено приведённое выше распоряжение губернатора. От исполнения распоряжения рабочие отказались. Далее, как сообщал полицеймейстер, «рабочим было предложено очистить фабричную площадь и разойтись по квартирам, от исполнения чего также последовал отказ; тогда казаками вся толпа была прогнана на Ямы (д. Иконниково), где находятся почти все квартиры рабочих, откуда они до самой ночи показывались кучами, но были рассеяны. Во всё это время из толпы было брошено два камня в казаков, но они не причинили особенного вреда; один ткач по подозрению в том привлечён к ответственности; кроме сего было пущено несколько камней в дом Дербенёва, где разбито три стекла, виновных же в последнем не открыто. На ночь рабочие расходились, и было спокойно. Утром же сего (21) числа снова возобновилось их движение, но собираться им кучками не дозволяется, и поэтому всей массой они держатся на Ямах».

25 апреля рабочие, не получив удовлетворения своих требований, возобновили работу, но, как сообщал полицеймейстер в донесении владимирскому губернатору, «чтобы успокоились те ткачи, которые поступили на фабрики для работ в одну смену, сказать невозможно, потому что они до сих пор остаются недовольны переходом с двух смен на одну и работой вместо девяти часов 13 часов, высказывая посторонним такое соображение, что они пробудут на фабриках спокойно до тех пор, пока казаки будут в городе, а как только уедут, то они своё возьмут».

В последующих сообщениях полицеймейстер указывал несколько раз на озлобленное настроение рабочих: «...работающие ткачи как будто затаили в себе неудовольствие...». «Чтобы рабочие пришли к мирному настроению, сказать нельзя».¹²

Стачки 80-х гг. показывают некоторый рост классового сознания иваново-вознесенского пролетариата, начавшего понимать необходимость коллективного отпора эксплуататорам, но в движении были ещё сильны элементы стихийности, и оно носило пока экономический характер.

Под влиянием рабочего движения 70–80-х гг., в котором и иваново-вознесенские рабочие принимали очень активное участие, царское правительство издало первые фабричные законы. 1 июня 1882 г. был издан закон, запрещающий ночную работу на фабрике детям до 12-летнего возраста. В 1882 г. появился закон о введении фабричной инспекции для наблюдения за выполнением фабричного законодательства. Затем последовал закон 12 июня 1884 г. о школьном обучении малолетних, работающих на фабрике. Закон 3 июня 1885 г. запрещал ночную работу подросткам и женщинам. 3 июня 1886 г. издан закон, определяющий случаи, когда можно взимать штрафы и указывающий максимальный их размер. Закон устанавливал, что штрафные деньги должны идти не в карман фабриканту, а на нужды самих рабочих,

ввёл обязательную выдачу рабочему расчётной книжки, подчинил правила внутреннего распорядка утверждению инспекции, установил правила о расценках, воспретил расплату с рабочими вместо денег купонами, хлебом, то-варами и т. п. Были расширены права фабричной инспекции и созданы коллегияльные губернские присутствия по фабричным делам, которым рабочие имели право жаловаться на хозяина и фабричного инспектора.

Одновременно закон 3 июня 1886 г. значительно усиливал уголовные репрессии за стачки, – «подстрекатели» к стачке подвергались тюремному заключению от четырёх до восьми месяцев, а рядовые её участники – заключению от двух до четырёх месяцев.

Народники «москвичи» в Иваново-Вознесенске. К половине 70-х гг. относится попытка революционной пропаганды народников среди иваново-вознесенских рабочих. В 1874–75 гг., как показывают новые документы, довольно широкую пропаганду среди фабричных рабочих развернула так называемая «Всероссийская социально-революционная организация», во главе которой стояли народники: Софья Бардина, Джабадари и другие. В организацию входило и несколько рабочих, в том числе московский ткач Пётр Алексеев.

Теория и тактика народников, их субъективистские воззрения, пропагандируемый ими культ «героев», отрицание исторической роли рабочего класса и идеализация деревенской общины – всё это было в корне противоположно интересам рабочего класса.

Народники шли с пропагандой своих идей на фабрики, так как в рабочем они видели более развитого и грамотного крестьянина и хотели использовать рабочих для своей пропаганды в деревне. Не случайно народники избрали для пропаганды не заводы, а пошли к фабричным рабочим, которые ещё не потеряли связи с землёй, с деревней, постоянно общались с крестьянством, покидая город почти на каждый праздничный день.

Народническая пропаганда в 1875 г. имела место на фабриках Москвы, Киева, Одессы, Иваново-Вознесенска, Шуи и ряда других мест. Пропаганда эта не имела успеха среди рабочих и закончилась арестом народников и судом над ними – так называемым «процессом пятидесяти».

Среди рабочих – участников этой организации, некоторые, безусловно, переросли в политическом отношении своих руководителей и сумели подняться до более правильного понимания целей и задач своего класса. К числу их нужно отнести ткачей Семёна Агапова и Петра Алексеева. Речь последнего на суде В. И. Ленин назвал великим пророчеством русского рабочего класса. В этой речи впервые прозвучало грозное напоминание о пролетарской революции: «Подыметесь мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах!..»¹³

Первого пропагандиста народника Шрейдера полиция обнаружила в Иваново-Вознесенске в 1874 г.; он работал в течение месяца слесарем на ситце-

вой фабрике Лопатина. Шрейдер своевременно уехал из Иваново-Вознесенска, но был арестован в другом месте. В 1875 г. полиция открыла в Иваново-Вознесенске целую группу народников, впоследствии участников «процесса 50-ти», основавшую здесь «Ивановскую общину». В состав группы входили А. Топоркова, Л. Фигнер, С. Агапов, Александровы и др. Эта группа пробыла в Иванове около двух с половиной месяцев, пока не была раскрыта и арестована. Большая часть пропагандистов работала на фабрике А. Зубкова.

Около десятка рабочих народникам удалось привлечь к чтению и распространению литературы, но глубоких корней эта пропаганда в среде рабочих не имела.

Перепуганная иваново-вознесенская полиция в маленьком народническом кружке увидела призрак рабочего восстания.

Из донесения иваново-вознесенского полицеймейстера губернатору видно, что он был перепуган не только появлением пропагандистов, но и настроениями самих рабочих, Во время ареста народников перед домом собралась толпа, которая вела себя «угрожающе». Полицеймейстер торопился увести арестованных в полицию и вызвать из Шуи жандармов на помощь. Он же просил губернатора прислать войска, так как считал, что «дух фабричного народа крайне отчаянный и дерзкий».¹⁴

Местные власти искали среди фабрикантов опоры в борьбе с пропагандистами. После ареста народников Владимирский губернатор нашёл необходимым обратиться с особым «конфиденциальным» письмом к фабриканту Я. П. Гарелину, прося у него содействия «бдительному отношению правительственных органов к противодействию губительным для всякого порядка началам». «Содействие», как не трудно догадаться, заключалось в наблюдении за своими рабочими в помощи полиции в вылавливании «подозрительных» людей. Гарелину предлагалось мобилизовать на это и других ивановских фабрикантов.¹⁵

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин. Соч., т. 3, стр. 397.
2. Ленин. Соч., т. 1, стр. 272.
3. О положении рабочих и рабочем движении в Иваново-Вознесенске в 1870–1880-х гг. см. в книге автора «Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске». Вып. 1, 1924; в книге указаны архивные источники и литература.
4. Архив истории труда в России. Книга 5, ч. 2, стр. 21.
5. Госархив Владимирской области. ОДФ. Канцелярия владимирского губернатора, д. 15 за 1875 г., л. 1718.
6. Ф. Д. Нефёдов. Повести и рассказы. Т. I, Иваново, 1937, стр. 23–33.

- 7 Ф. Д. Нефёдов. Повести и рассказы. Т. I, Иваново, 1937, стр. 37.
- 8 Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. II, стр. 95.
- 9 Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края. Владимир, 1929, стр. 31–40.
- 10 Красный архив. 1938, т. VI (91), стр. 154.
- 11 Госархив Ивановской области. ОДФ. Иваново-Вознесенское городское полицейское управление, оп. 1, д. 72.
- 12 Там же, д. 182.
- 13 Рабочее движение в России в XIX в. (сборник документов). 1950, т. II, ч. 2, стр. 47.
- 14 Там же, стр. 28–36.
- 15 Госархив Ивановской области. ОДФ. Я. П. Гарелин – иваново-вознесенский. фабрикант, оп. 1, д. 2, л. 1.